Середнев В.А..

«Артефактная» истина, как разновидность когерентной истины в уголовном процессе

*Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского
(Россия, Арзамас)*

doi: 10.18411/sr-10-02-2018-34

idsp: 000001:sr-10-02-2018-34

Аннотация

В статье автор показывает, что в современном отечественном уголовном процессе не может существовать объективной истины в ходе расследования уголовных дел (хотя и не отрицает наличие таковой, но не в современном уголовном процессе России). В статье показано сходство между когерентной и артефактной истинами в уголовном процессе, которые, по сути и устанавливаются в ходе расследования уголовных дел.

Ключевые слова: уголовный процесс, объективная истина, когерентная истина, артефактная истина

Вопросы, связанные с познанием в уголовном процессе, неизбежно должны рассматриваться через призму проблемы истины, которые не только разрешаются, а появляются все снова и снова. В современной философской мысли, истина рассматривается как «универсалия культуры субъект-объектного ряда, содержанием которой является оценочная характеристика знания в контексте его соотношения с предметной формой, с одной стороны, и со сферой процессуального мышления – с другой»[9, с. 446].

В ходе исследования проблемы истины в уголовном судопроизводстве, необходимо забегая чуть вперед, сразу оговориться, что понятие истины и правды, не являются тождественными по отношению друг к другу понятиями. Как верно замечает Д. П. Туленков, что «Истина, скорее, является научным термином, которым оперирует гносеологии, апеллирующая в первую очередь к разуму человека. Правда принадлежит к миру иных ценностей, духовности человека его морально нравственной позиции и в этом плане тесно смыкается с понятием справедливости»[11, с.8]. Мы полностью солидарны с автором именно поэтому считаем, что правда есть феномен более иррационального свойства, чем рационального, отсюда понятие «права у каждого своя». В правде состояние рассматриваемого объекта зависит от субъекта его рассматривающего, при этом включается механизм духовно-нравственного проникновения в исследуемое, а затем понимаемое явление. То есть идея правды включает в себя нравственную установку, которую ставит выше юридического аспекта.

Если обратиться к основам судопроизводства таких стран как США и Англия, то очевидно, что в основу судебного решения положено требование исследования в судебном заседании доказательств, что и является обоснованием, в конечном счете, принятого судебного решения. Это естественным образом связано с проблемой получения истинного знания в состязательном уголовном процессе на фоне и «в условиях конфликта сторон с полярными интересами»[11, с.18]. Поэтому существуют определенные мотивы на основании, которых имеющаяся у сторон информация, которая могла бы способствовать наиболее объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, не будет предоставлена для суда. Ибо «редко встречается такое дело, в котором любая из сторон стремилась бы к тому, чтобы свидетель или кто-либо другой раскрыл всю правду»[2, с.115].

При сравнение норм УПК РФ и УПК РСФСР 1960 года, приходит сомнение в том, что в уголовно- процессуальном законодательстве имеет место механизм отстаивание цели достижения объективной истины в уголовном процессе. Дело в том, что при изучении УПК РСФСР понятие «истина» в нем встречается шесть раз. В УПК РФ упоминание установления, какой либо истины в уголовном судопроизводстве вообще не встречается и не упоминается ни разу.

Когда мы задаем себе вопрос «можно ли достичь истину в уголовном процессе, в результате познания? Если «да», то, что из себя представляет эта истина?» То прежде чем ответить на данный вопрос, нужно понять, что исследуя это вопрос нельзя ограничивать свое мышление только юридическими категориями, так как применению так же подлежит философский подход в области эпистемологии и гносеологии.

Все вышеизложенное приводит к мысли о том, что «трактовка истины не ограничивается лишь одной парадигмой, основанной на принципе корреспонденции как соответствия знания объективному положению дел предметного мира. В основе одного из альтернативных пониманий истины лежит принцип когеренции как соответствия как соответствия знания имманентным характеристикам идеальной сферы, в частности: содержанию Абсолюта, врожденным когнитивным структура, самоочевидности рационалистической интуиции чувственным ощущениям априорным формам мышления, целевым установкам личности, intersubjective конвенциям и др.»[9, с.446].

В настоящее время гносеология, пытается ориентироваться и предполагает создать иной тип рациональности, который будет определять появления новых принципов обработки информации сознанием человека, т.е. совершенно новых когнитивных процессов.

Исследуя проблему истины в познавательной деятельности субъектов доказывания в уголовном судопроизводстве, обратим внимание на современные достижения в области критического рационализма, и в качестве познавательной модели рассмотрим теорию **когерентной истины** (от лат. *cohaerentia* — сцепление, связь), и ее разновидности **«артефактной истины»** (необходимое знание об обстоятельствах совершения преступления, которое может стать механизмом для защиты развития общества, государства и личности от наиболее опасных как внутренних, так и внешних посягательств со стороны членов общества, одним из основных признаков данной истины является ее полезность для общественной формации).

Хотим сразу оговориться, в смысле того, что нами не отрицается понятие «объективной истины», по той причине, что во- *первых*, человеческое сознание не способно говорить о том, чего нет (можно попробовать поговорить о том, чего нет), если ряд ученых говорят об объективной истине, обосновывая ее сущность в своих исследованиях, значит она есть, но не в уголовно- процессуальном доказывании и самое главное, что не сейчас, это точно. Во- *вторых*, «объективная истина» выступает для нас как один из элементов стержня мировоззрения любого человека, а именно в виде элемента идеала (идеальной цели) уголовно- процессуального познания (наряду с другими элементами мировоззрения человека: вера, убеждения, ценностные ориентации). Но нужно понять, что достижению *объективной истины* в уголовно- процессуальном познании, препятствуют обстоятельства (например, принцип «презумпция невиновности», когда неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого и др.)

И так, следует заметить, что концепция когерентной истины возникла как реакция на трудности, возникающие с пониманием классической теории истины Аристотеля, которая к основополагающим идеям истины относил соответствие знания объективному положению дел предметного мира. То есть другими, современными, близкими и понятными нам словами: «неопределенности относительно того, как можно установить соответствие между знанием и реальностью, которая описывается этим

знанием, а с другой стороны позволить использовать ее на практике, допуская методологический анализ с применением точных логических правил»[11, с.64]. Существует и схема анализа при рассмотрении механизма когерентной истины, которая выглядит следующим образом: «всякое предложение, входящее в эмпирически значимое множество, может рассматриваться как истинное только в том случае, если удастся найти подмножество, непротиворечивость и логическая взаимосвязанность которого доказана... чем больше число когерентных подмножеств входит высказывание, тем большей вероятностью оно может оказаться истинным. Этот подход объединяет логические и эмпирические методы анализа систем знаний с математической теорией вероятности»[8, с.264]. Концепция непротиворечивости, как основное свойство мышления, способствующее консенсусу, т.е. разрешению конфликтов при принятии решений в коммуникативном механизме между гражданами, была известна еще в воззрениях античного философа Парменида, который вообще различал три пути познания: «Путь истины, путь лжи и путь мнения...»[5, с. 32].

Мы убеждены, что если, считать истину в уголовном процессе, как выражение поддержания определенного порядка, то можно вполне обоснованно указывать на то, что кроме того истина в уголовном процессе является средством обеспечения назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). То есть, истина и защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод органически связанные феномены.

Поскольку на наш взгляд к истине в уголовном процессе приходят благодаря механизму интерпретационно- коммуникативной согласованности субъектов познания, при этом также присутствует внутренне непротиворечивый логический элемент утверждения вероятностных фактов с их содержанием, в связи с чем, будет уместно рассмотреть разновидность *когерентной истины- «артефактную истину»*.

В классической философии, например Аристотеля, рассматривалась истина, более того объективная истина. Но поскольку «артефактная истина» по нашим убеждениям, есть разновидность когерентной истины, то о том, что касается неклассической теории познания, о том, что происходит в социальных коммуникативных системах при регулировании определенных общественных отношений, следует вести речь не об объективной классической истине, а о некой «согласованности» в обществе, нахождении общих точек соприкосновения, «солидарности» и «общепринятого правила поведения». Должны быть созданы необходимые условия, в которых будет существовать истина, которая есть **необходимость**[10, с.171-178].

Подходя ближе к понятию *артефактной истины*, следует указать, на то, что «цель борьбы с преступностью должна являться состав- ной частью уголовной политики государства, а уголовная политика – элементом политики государства вообще. Политика всегда связана с борьбой за власть на определенной территории, где проживает тот или иной народ. Любой народ имеет свою культуру, которую следует рассматривать как совокупность материальных и духовных ценностей народа, способность распоряжаться этими ценностями, приумножать их и передавать их последующим поколениям. При этом следует помнить, что культура имеет связи с определенной цивилизацией, однако не нужно отождествлять культуру и цивилизацию»[10, с.175].

То есть с точки зрения «артефакта» «... истина в уголовном процессе должна рассматриваться как необходимое знание об обстоятельствах совершения преступления, которое может стать механизмом для защиты развития общества, государства и личности от наиболее опасных внутренних посягательств со стороны членов этого же общества...»[10, с.175].

Поэтому, по нашему мнению, истина должна рассматриваться в уголовном процессе как необходимость для защиты общества и государства от преступных посягательств, для этого она должна стать артефактом, искусственно созданным объектом, содержание которого является необходимым для защиты незыблемости власти и эволюционно развивающегося общества. Поэтому «замена понятия “истинность” понятием “жизнеспособность” является принципиальным. Целью познания является не объективность, а приспособление. “Полезным” является то знание, которое поддерживает жизнеспособность системы. Такова и “судебная истина” – она инструмент адаптации индивида и общества к окружающей среде»[1]. В связи с этим необходимо заметить, что если кто-то думает, что артефактная истина может чем-то оскорбить так называемую объективную истину, он ошибается (к тому же, выше мы уже говорили, кто ищет объективную истину в уголовно- процессуальном познании, может он ее когда нибудь «откроет»). Ибо «речь об оскорблении во имя практических целей идеи истины, как высшей ценности этики и логики, может идти только тогда, когда человек действительно находится в известных отношениях к этой идее»[3, с.201].

Поэтому необходимо заметить, что «необходимость вытекает из внутренней сущности вещи и определяется ее внутренними законами... Необходимость близка к понятию закона...»[6, с.117]. На основании вышеизложенного мы, еще раз подчеркивая, что не отрицаем научных подходов к учению об истине как абсолютной и относительной по содержанию, материальной (объективной) и формальной по характеру, категорически настаиваем на том, что *основной признак истины в уголовном процессе – ее полезность для «общественно-экономической формации», в которой на данный период времени существует уголовное судопроизводство.*

А посему, думается, нам не нужна истина в уголовном процессе, которая не будет приносить пользы (а еще хуже – приносить вред) общественным отношениям и не могущая быть средством обеспечения защиты государственного строя от преступных посягательств. Как указывал О. Вейнингер, «ложь карается уголовными законами, когда она проявляется в форме нарушения присяги, т.е. когда влечет за собой общественный вред»[3, с.202].

Но справедливости ради следует указать, что когерентная форма истины является, несомненно, незащищенной и уязвимой для критики. Самая основная проблема для когерентной истины, «преследование» ее эпистемологическим релятивизмом «это концепция согласно которой, среди множества точек зрения, взглядов и теорий относительно одного и того же объекта, не существует единственно верной. Той, которая может считаться адекватной реальному положению дел...»[7, с.76].

На начальном этапе судебного следствия суд не может определить истинны ли высказывания сторон в ходе исследования доказательств или нет (даже если судом установлено, что доказательства являются допустимыми и относимыми). Только на совокупности всего множества высказываний, выделяется то подмножество высказываний, которые и имеют между собой связь когерентности - «связь согласованности». Причина согласованности заключается в том, что « **...в своей когнитивной области наблюдатель (любой человек) не может иметь дело с объективной не зависимой от него действительностью**»- такой для наблюдателя просто не существует. Именно по этой причине когнитивно- коммуникативное взаимодействие наблюдателей является **ориентирующим воздействием**: языковое поведение коммуникантов ориентирует их на ответную реакцию в своей личной когнитивной области. При этом не происходит никакой объективной передачи информации. Поэтому языковые взаимодействия проявляют чрезвычайную зависимость от контекста и схожести/тождественности опыта наблюдателей коммуникантов- **от зон консенсуса или консенсуальных областей**»[4, с.136]. Это

единственный путь, с помощью которого происходит отделение истинных высказываний от неистинных.

На основании вышеизложенного мы, убеждены в том, что **основной признак истины в уголовном процессе – ее полезность для «общественно-экономической формации», в которой на данный период времени существует уголовное судопроизводство.**

1. Александров А.С. Новая теория доказательств. Сайт Международной ассоциации содействия правосудию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iuaj.net>. 2010.
2. Бернам У. Суд присяжных заседателей. М.: Московский независимый институт международного права, 1995. 128 с.
3. Вейнингер О. Пол и характер / Пер. с нем. В.О. Лихтенштадт. М.: Астрель, 2012. 509 с.
4. Верхотурова Т.Л. Наблюдатель в концепции У. Матураны (опыт лингвистического анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. С. 136-141.
5. Вольф М.Н. К вопросу интерпретации Доксы у Парменида: в поисках космологии // Историко-философский ежегодник. 2011. С. 5-32.
6. История и философия науки: Учеб. пособие. М.: Проспект, 2009. 432 с.
7. Мамчур Е.А. О релятивности, релятивизме и истине// Эпистемология и философия науки. 2004. № 1. С. 76-80
8. Новая философская энциклопедия. В. 4 т. Т.2. М.: Мысль, 2010. 736 с.
9. Новейший философский словарь 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1280 с.
10. Среднев В.А. О ценности «артефактной» истины в уголовном процессе (философский аспект). Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 171-178.
11. Туленков Д.П. Познавательная деятельность при производстве по уголовным делам с участием присяжных заседателей: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 192 с.